

КЕСАРИЮ — КЕСАРЕВО

Д.А. ЛЕОНТЬЕВ

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор более 400 публикаций, в том числе книг «Очерк психологии личности» (1993), «Введение в психологию искусства» (1998), «Психология смысла» (1999) и др.
Контакты: dleon@smysl.ru

Резюме

В статье разводится значение для психологии веры как важнейшего психологического феномена, религии как культурной формы «духовной навигации» (В.М. Розин) и церкви как социального института. Подчеркивается психологическое различие «внешней», декларативной, и «внутренней», глубинной религиозности и роль психологии в определении меры подлинности религиозных ориентаций.

Один человек спросил господина К., есть ли Бог. Господин К. сказал: — Советую тебе подумать, изменится ли твое поведение в зависимости от ответа на этот вопрос. Если оно останется таким же, то мы можем этот вопрос больше себе не задавать. Если же оно изменится, то я смогу помочь тебе хотя бы тем, что скажу: ты уже решил — Бог тебе нужен.
Бертольт Брехт

Часто желание поучаствовать в журнальных дискуссиях (в устных это труднее уловить) в какой-то момент натывается на невозможность уловить суть разногласий и сам обсуждаемый вопрос (не тему, а именно постановку вопроса!). Наша журнальная дискуссия наложилась на широкую общественную дискуссию, касающуюся преподавания основ ре-

лигии в школе, и на судебные иски сторонников креационизма против преподавания в школе эволюционной теории, также получившие широкий общественный резонанс. Градус демагогии зашкаливает, и я вижу смысл моего выступления не столько в том, чтобы высказать какое-то мнение «на тему», сколько в том, чтобы разобраться в самой постановке

вопроса. «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно», — говорил М.К. Мамардашвили, и его предостережение вполне можно адресовать всем участникам дискуссии, включая тех, для кого эти слова больше, чем риторическая фигура. Хотя у меня странное ощущение необходимости доказывать весьма уважаемым людям довольно очевидные вещи.

Во-первых, давайте начнем с того, что разведем такие вещи, как вера, религия и церковь. Вера есть экзистенциальный феномен, сугубо личный. Чтобы верить во что-либо, человеку не нужны ни храмы, ни священники. Именно вера прежде всего соотносится с такими феноменами, как духовность или совесть, упоминавшиеся участниками дискуссии (вспомним также надежду или любовь). И вера связана не только с религией. У меня в семье рассказывали о том, как моему деду, Алексею Николаевичу Леонтьеву, один высокопоставленный канадский священнослужитель сказал, что мало встречал таких верующих людей, чем ввел его, убежденного материалиста, в изрядное смятение. Видимо, сама вера важнее, чем предмет веры, а путь к смыслу важнее, чем сам смысл.

Религия есть культурная форма, в которой феномен веры получил свое воплощение в истории человечества. Конфессии включают в себя не только догматику и ритуалы, но и живописные, архитектурные, литературные и музыкальные каноны, философские традиции, определенные научные наработки, в том числе и психологические, в русле, представляющем для них интерес. Почему бы и нет? Ну и, наконец, церковь — это социальная организация, которая

у нас в стране, согласно Конституции, отделена от таких социальных организаций, как государство и система образования.

Религия древнее науки. На протяжении довольно длительного периода в истории человечества религия, философия, наука, образование, право и т. п. образовывали нераздельную целостность. Потом постепенно они начали дифференцироваться, вырабатывая более четкие критерии. Меня поэтому очень удивляет противопоставление дарвинизма и креационизма как двух якобы альтернативных объяснений происхождения человека. Главное их различие не в разных ответах на данный вопрос, а в разных способах получения ответов. Этим и отличается то, что преподают в школе, от того, что от нее отделено. Наука — это не сплошь правильные ответы и представления. Наука — это ответы и представления, полученные с помощью определенных общепринятых и общепризнанных процедур, на языке которых все человечество может общаться между собой, однозначно понимая, о чем идет речь. Религиозные объяснения — это другой способ давать ответы на вопросы. Я не утверждаю, что он плох, просто он обладает меньшей степенью универсальности и тем самым меньшим потенциалом для диалога между всеми, а не только между своими. Различия еще в том, что научные объяснения, как это очевидно уже из курса средней школы, никогда не бывают окончательными, одни теории сменяют другие, и пусть даже научное объяснение предполагает какую-то веру за пределами фактов, эта вера носит всегда ограниченный во времени характер, и смена парадигмы и

отказ от теории не означают краха науки в целом и утраты веры в нее. Религиозные догматы в любой из религий оставались неизменными с момента ее основания, да и как иначе? От них отказаться нельзя. Наука признает ошибки и исправляет их. Для религии это невозможно. Именно поэтому в школе принципиально важно учить наукам как способу познания, не как своду знаний. Не дать готовые истины на всю жизнь, а научить искать ответы на вопросы, ошибаясь и исправляя ошибки.

* * *

То же можно сказать про соотношение психологии и религии. То, что они отчасти пересекаются, в частности, в терминологии, — еще не основание считать их сиамскими близнецами, разделить которых можно только «искусственно, идеологически» (о. А. Лоргус). Я не согласен и с М.Ю. Кондратьевым (Кондратьев, 2007): плоскости, в которых они существуют, не параллельны, хорошо это или плохо, но по полочкам их не разложить, и конфигурации их чересчур сложны, чтобы они не пересекались совсем. Тем сложнее и ответственнее вопрос их точного соотношения. Задачи у них разные, и главное опять же в том, что сказанное психологией как ветвью науки обращено ко всем, а сказанное от лица религии обращено лишь к ее приверженцам или обращаемым. Глубоко и индивидуально верующий Виктор Франкл (1990, с. 334) сформулировал четкий операциональный критерий, почему религиозные категории не должны входить в структуру психологического объяснения и помощи, религия «мо-

жет быть лишь предметом, но не почвой»: мы должны иметь возможность помочь любому человеку, вне зависимости от его конфессиональной принадлежности, веры или ее отсутствия, в противном случае мы не сможем называться профессиональными психологами. Надо сказать, что священник может оказать помощь с религиозных позиций, которая в ряде случаев оказывается не менее эффективной, чем психологическая помощь, но это просто другая форма работы, другая форма помощи. Помощь может быть разной, иногда помощь деньгами эффективнее любой психотерапии и исповеди; мы не знаем это заранее, в жизни встречается всякое. И вкусы бывают разными: встречаются как бывшие психологи, ушедшие полностью в служение Богу, так и бывшие богословы, полностью ушедшие в психологию (ярчайший пример — Ролло Мэй, ученик Пауля Тиллиха). Некоторым удастся совмещать.

Спора нет, психология должна быть благодарна религии (особенно христианству и буддизму) за многое. За сохранение представлений о духе, душе и личности в те времена, когда психология на 99% вывела их из обращения. Эту нашу благодарность, впрочем, разделит с религией и философия, и искусство, с которыми, как и с религией, психология в последнее время не прекращает вести диалог.

Если бы, впрочем, дело было только в диалоге, то и предмета для дискуссии, наверное, не было бы. Кто против диалога? Вот только настораживает центральное положение статьи о. А. Лоргуса: «Главным тезисом в христианской психологии становится

следующее: психология невозможна без духовно ориентированного подхода к человеку, в котором предметом оказывается не только психика, богоподобная личность человека, но и душа, и дух, и одухотворенная телесность» (Лоргус, 2007, с. 61). Очень хотелось бы уточнить, что стоит за словом «невозможна»: то ли то, что в психологии обязательно должен быть и такой подход и без него она неполна (с этим спорить сложно), то ли то, что психология должна базироваться только на таком подходе и ни на каком ином? Мне бы не хотелось думать, что упрек «ученые советской формации не могут принять многозначность методологических подходов» (там же, с. 62) обращается против самого автора.

Парадоксальным образом, когда психология в основном работала на грани физиологии и биологии, христианская антропология не испытывала серьезной конкуренции. Психология, однако, не стоит на месте. Сейчас, в эпоху «методологического либерализма» (Юревич, 2005), психология в своих ресурсах уже нашла немало ценного для того, чтобы подтягиваться на уровень сегодняшних запросов. Согласен, в психологии мы еще далеки от удовлетворительного определения, скажем, личности, однако альтернатива, приводимая о. А. Лоргусом (Лоргус, 2007, с. 63), ничуть не лучше: «такая дефиниция» не только «не является психологической», она просто не является дефиницией. Хорошо бы со стороны христианской антропологии услышать не только лозунги о нерушимом единстве, но и конкретные подходы к решению конкретных проблем, более удачные, чем в этом примере. Тогда и спорить будет не о чем.

* * *

Мне видится основной конструктивный сухой остаток дискуссии в тезисе В.М. Розина (Розин, 2007, с. 86) о духовной навигации. Это действительно принципиально важная реальность, соотносимая больше с верой, чем с религией, но, конечно же, не сводящаяся к ней, которая получила проработку в культуре в большей мере в формах религиозных практик, чем каких-либо иных. Психология лишь сравнительно недавно, где-то полвека назад, озаботилась этой задачей. Именно в последние десятилетия, когда ограниченность традиционной, классической, физикалистской психологии, в которой «невозможно говорить о свободе выбора, ответственности, принятии решения, о любви» (Лоргус, 2007, с. 63), стала вполне очевидна. Испытываются разные способы преодоления этих ограничений. Христианская психология — не единственно возможный путь к этому. Сошлюсь хотя бы на экзистенциальную философию и психологию, в которой, кстати, религиозный вопрос никогда не был сколько-нибудь определяющим и вполне мирно совмещались религиозные и атеистические версии, вероятно как раз потому, что в этой традиции мышления человеческая духовность, свобода, смысл, ценности и т. п. всегда принимались как основополагающая реальность вне зависимости от принятия или отвержения религиозной веры, они из нее не выводились. Как бы то ни было, постановка проблемы «духовной навигации» в психологии привела к изменению облика психологии в целом и одновременно к возникновению но-

вого поля взаимоотношений психологических и религиозных практик, которые могут быть либо кооперативными, либо конкурентными.

Если сформулировать этот тезис в наиболее строгом виде, можно утверждать: в религии как специфическом способе познания мира и ориентации своих действий в нем формы активности, направленной на свой внутренний мир, которые В.М. Розин называет «духовной навигацией», получили основательную теоретическую и практическую разработку, и она может представлять явную пользу для психологии, также начавшей ставить сходные задачи во внерелигиозном контексте. О пользе свидетельствуют данные психологических исследований последнего времени, которые, хоть и не вполне однозначно, свидетельствуют скорее в пользу положительного влияния религиозности на психологическое благополучие, устойчивость и развитие (см.: Эммонс, 2004). Однако до сих пор остается нерешенной важнейшая методологическая проблема — разведения реальной веры и декларативной религиозности, или, в терминах Г. Олпорта (Allport, 1950), «внутренней» и «внешней» религиозности. По оценкам социологов, из числа людей, называющих себя православными, не более 10–15% отличаются в своем поведении и ценностных ориентациях от неверующих каким-либо следованием христианским правилам жизни и поведения, для остальных же за этой самоидентификацией не стоит ничего, кроме чувства принадлежности к некоему уважаемому сообществу.

Отношение религиозности к «духовной навигации» является, таким образом, статистически благоприят-

ствующим, не будучи в строгом смысле слова ни необходимым, ни достаточным. Просто индивидуальная духовная навигация тех, кто нерелигиозен, кто «обходится без этой гипотезы», труднее, она более индивидуальна, не опирается на столь проработанные культурные формы. Вопрос о связи даже явно выраженной «внутренней» религиозности с духовным развитием столь же неоднозначен; мне доводилось неоднократно встречать людей, в которых несомненная религиозность сочеталась и с выраженным духовным поиском, и с полным его отсутствием, удовлетворенностью поверхностной догматикой. По-видимому, все зависит от личности: человеку, склонному расширять свои горизонты и брать на себя ответственность, вера помогает найти опору для этого, человеку, склонному искать простые ответы и скидывать с себя какую-либо ответственность, тоже.

По сути, оказывается, что скорее психология может определить, насколько «подлинной» является декларируемая человеком религиозность (как это выражено в притче Б. Брехта, послужившей эпиграфом к данной статье), чем религия — оценить, насколько «правильна» та или иная психология.

* * *

Еще раз повторю: в отличие от научных утверждений, которые всегда претендуют на некоторую общезначимость, по крайней мере общепонятность, религиозная вера по определению — дело личное. Если она перестает быть личным делом и начинает становиться чем-то вроде

императива, адресуемого другим, она из веры превращается в идеологию, а это мы уже проходили. Вера в разных ее проявлениях является важнейшим феноменом человека, и психологической науке абсолютно необ-

ходимо принимать ее всерьез. Поэтому самым точным ответом на главный вопрос дискуссии будет: психология — с верой, но без религии, тем более без церкви, что диалогу между ними ничуть не мешает.

Литература

Брехт Б. Истории господина Койнера. М.: Текст, 2007.

Кондратьев М.Ю. Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 65–73.

Лоргус А.В. Психология: с религией или без нее? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 58–64.

Розин В.М. Психология и христианство: автономия, объединение или ком-

муникация? // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4, № 2. С. 74–89.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Эммонс Р. Психология высших устремлений. М.: Смысл, 2004.

Юревич А.В. Психология и методология. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.

Allport G.W. The individual and his religion. N.Y.: Macmillan, 1950.